ства (и очень раннего) летописцев с циклом повестей о Николе Заразском, во всяком случае, не исключена. В доказательство сошлюсь на те добавления, которые были сделаны в летописной повести о нашествии Тохтамыша на Москву в своде Фотия 1418 г. к предшествующей редакции этой повести, читающейся в своде 1409 г. В этих добавлениях (и только в них, а не в основной части летописной повести) явственно ощущается их зависимость от повестей о Николе, как от своего литературного образца.

Вторая повесть о Николе Заразском (список Волокаламск. № 523)	Новгородская IV летопись (ПСРЛ, т. IV, вып. 2, Л., 1925)
„яко и самому царю возбоятися“	„яко и самому царю стужити о сем“ (стр. 332).
„тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася“	„толико же [сечаху, дондеже] руце их и плещи их измолкоша, сила их изнеможе, сабли их не имуть, остриа их притупишася“ (стр. 333).
„И прииде [князь Ингварь] из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его все побиены от нечестивого законопреступника царя Бытыя, и приде во град Резань и видя град разорен, и матерь свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разорен, церкви позжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято... [далее плач Ингваря]...	„...въехаста [князь Дмитрий] в свою отчину, в град Москву, и видеша град взят и пленен и огнем пожжен, и святыа церкви разорены, а людьи побитых трупьа мертвых бещисла лежащих, и о семь сжалиша си зело, яко и росплакатися има с слезами. Кто боне въсплачется таковыа погибели градныа? кто не жалуеть толика народа людей? кто не потужить о селице множестве крестьян? кто не сетуеть си[це]ваго пленениа и съкрушениа? И повелеша телеса мертвых хоронити“ (стр. 338).
„Кто боне возплачетца толикиа погибели? или хто не возрыдает о селице народе людей православных? или хто не пожалит толико побито великих государей? или кто не постонет таковаго пленения? Князь Ингварь Ингоревич розбирая трупиа мертвых и наиде тело матери своей...“ [далее похороны].	
„Сии бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел, а церкви все погореша, а великая церковь внутрь погоре и почернеша. Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози“.	„... и паки в единомь часе изменися видениё его, є[г]да взят бысть и посечен и пожжен, и нечего его видети, развеи токмо земля, и персть, прах, попел, трупья мертвых многа лежаще, и святыя церкви стояще, аки разорены, аки осиротевше, аки овдовевше“ (стр. 336). „Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленени быша“ (стр. 336—337).

На ту же зависимость добавлений к повести о Тохтамыше от цикла повестей о Николе Заразском указывают и некоторые другие соответ-